

КОНЦЕПТЫ «ИНДИВИДА», «ГРУППЫ», «ФИРМЫ» И «ОБЩЕСТВА» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Социологический дискурс: проблема возникновения и распада общества

Привычным для экономического анализа является описание взаимодействий между индивидами (домохозяйствами), фирмами и государством. В социологии этому примерно соответствует описание взаимодействий между индивидами, социальными группами и обществом. Однако, как заметил Н. Луман, идея существования общества основывается на следующих взаимосвязанных предпосылках:

«...— общество состоит из конкретных людей и отношений между людьми;
— общество, следовательно, конституируется, или хотя бы интегрируется, благодаря консенсусу между людьми, благодаря согласованию их мнений и дополнительности их целеустановок;
— общества, будто бы, являются региональными, территориально ограниченными единицами, так что Бразилия представляет собой какое-то другое общество, нежели Таиланд, а США — является иным, отличным от России обществом, но тогда и Парагвай, конечно, является обществом, отличным от Уругвая;
— поэтому такие общества, как группы людей или как территории, можно наблюдать извне»².

Такой подход предполагает, что общество представляет собой некую функцию от составляющих его индивидов и/или территории. Однако это неверная интерпретация. Как пишет, следуя логике Лумана, известный российский социолог В. Вахштайн: «Общество не может быть понято ни как «общество индивидов», ни как «общество – государство».

Пытаясь «вывести» общество из людей, якобы его образующих, социология наталкивается на противопоставление «реализма /номинализма» и оказывается неспособной ответить на вопрос, что именно превращает людей в общество... Общество... должно пониматься как «общество без индивидов» (здесь и далее – курсив, применяемый цитируемыми авторами – П.О). Ведь «общество не весит столько же, сколько весят все вместе взятые индивиды, и не меняет свой вес с каждым рождением и каждой смертью отдельного индивида»³. Формула «общество = $f(\text{индивиды})$ » несостоятельна, какой бы ни была функция f . Ни общественный договор, ни врожденная солидарность, ни принуждение социальных институтов, взятые в качестве «функции от индивидов», не дадут исследователю дефиниции общества.

Столь же очевидные, по мнению Лумана, возражения свидетельствуют и против территориально-ориентированных регионалистских определений... формула «общество = $f(\text{территория})$ » оказывается также ошибочной при любой f ⁴.

Таким образом, общество в социологии оказывается не исходным понятием, но тем, что должно быть объяснено. Прослеживая «формирование общества», социологи выявляют и оценивают факторы, которые делают это общество особым, отличающимся от других обществ. Но и оценивать эти факторы можно по-разному. Традиционная социология допускает существование некоего отдельного «социального эфира»,

¹ Ореховский Петр Александрович (orekhovskypa@mail.ru) д.э.н., проф. главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при правительстве Российской Федерации.

² Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — С.23.

³ Там же, с. 23.

⁴ Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2011. — С. 9-10.

склеивающего отдельных людей в «общество». Как указывает Б. Латур: «когда под «социальным» начинают понимать разновидность материала, пользуясь этим термином как прилагательным того же ряда, что и «деревянное», «стальное», «биологическое», «экономическое», «ментальное», «организационное» или «лингвистическое», возникают проблемы. Тут значение термина распадается, поскольку теперь он обозначает две совершенно разные вещи: во-первых, сам процесс сборки, а во-вторых, особый тип компонента, который, как предполагается, отличается от других материалов»⁵. Латур критикует посылку о существовании «социального эфира» и сводит «социальное» к «процессу сборки», способу описанию тех или иных феноменов. Он пытается проследить связи, образующие ассоциации — «пересобрать социальное», противопоставляя развиваемую им акторно-сетевую теорию (социологию ассоциаций) традиционной «социологии социального».

Любое общество конституируется из социальных групп. Эти группы можно выделять на основе различных классификационных признаков — доходов и имущества (бедные, средние, богатые), отраслевой принадлежности (учителя, врачи, шахтёры, финансисты, предприниматели), ценностных ориентиров (консерваторы — либералы), пола, возраста и т.д. Латур отмечает по этому поводу: «Если мне возразят, что такие слова, как «группа», «формирование групп» и «актор», лишены смысла, я отвечу: «Совершенно верно». Слово «группа» — настолько пустое, что не предполагает ни объёма, ни содержания. Его можно применять к планетам в той же мере, что и к индивидам; к компании «Майкрософт», равно как и к моей семье; как к растениям, так и к бабуинам. Именно поэтому я его и выбрал»⁶.

Выделив группы, социологи вводят гипотезы о наличии тех или иных связей между ними. Укрепление или ослабление связей формирует общество — или, напротив, ведёт к его распаду. Связи и поведение групп можно наблюдать эмпирически, подтверждая или опровергая выдвинутые гипотезы.

В этом дискурсе присутствует несколько самоочевидных — и потому обычно не фиксируемых социологами в явном виде — логических заключений:

- (1) в обществе не существует «устойчивого большинства», «ядра». Это следует из самого наличия разнородных, выделяемых по разным основаниям, групп. Любое большинство возникает ситуационно, это коалиция меньшинств (групп). Если допустить, что в обществе существует такое «ядерное, устойчивое» большинство, то характеристика такого большинства, собственно, совпадает с описанием общества, и анализ поведения этого большинства заодно решает и проблему возникновения (распада) общества;
- (2) группы — по самому своему определению — неоднородны. При пересечении признаков могут возникать неожиданные сочетания, скажем, высокообеспеченные учителя или бедные (по уровню получаемых доходов) юристы. В результате неоднородности возникает существенная динамика политических, потребительских, географических и других предпочтений. Нельзя однозначно утверждать, что банковские служащие предпочитают селиться в пригородах, вести здоровый образ жизни и голосовать за либералов (демократов), хотя такие предпочтения могут наблюдаться в какой-то исторический период в определённом регионе;
- (3) те или иные группы могут переживать кризис, перерождаться, или перестать существовать вовсе. Это относится не только к профессиональным или партийным союзам, но даже к таким относительно устойчивым объединениям, как семья, родственные (клановые) связи. Другими словами, каждая группа имеет свою *историю*.

Различные социологические школы по-разному объясняют формирование обществ и их дальнейшую эволюцию. Стоит отметить, что акторно-сетевая теория Б. Латура

---

⁵ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — С. 11.

⁶ Там же, с. 45.

представляет собой часть «теории практик»⁷ — это лишь одно из направлений современной социологии, существенно менее влиятельное и известное, чем, например, структурно-функциональный анализ. Однако объяснение «общества» через «группы» и групповые взаимодействия — характерная черта социологического общества в целом. Такой подход в экономической теории можно встретить у старых институционалистов, а также у немецкой исторической школы, особенно таких её представителей, как М. Вебер и В. Зомбарт. Но в целом обычный экономический дискурс строится совсем по-другому.

2. Экономический дискурс: проблемы роста и распределения ресурсов

В дискурсе экономистов, в отличие от социологов, строго говоря, отсутствует проблема превращения «экономических индивидов» в «экономику». Хотя национальные экономики (национальные модели экономики) могут сильно различаться между собой, но эти различия, как обычно полагают экономисты, вызваны некими *внешними* причинами — религией, культурой, теми или иными социальными институтами. Другими словами, экономисты признают вслед за социологами наличие существенных различий у обществ, которые влияют на экономику, но экономика, взятая сама по себе, представляет своеобразную кантовскую «чистую идею», независимую от эмпирического опыта.

В центре этой чистой идеи находится «экономический человек» — модель человека, в которой индивид принимает рациональные решения, направленные на максимизацию собственной выгоды. Как в своё время писал Т. Веблен: «Во всех имеющихся формулировках экономической теории, разработанных как английскими экономистами, так и учёными континентальной Европы, человек рассматривается с позиций гедонизма; иными словами, он представляется как пассивная и инертная, а также неизменная в своей данности человеческая сущность. Физиологические и антропологические концепции, из которых исходили экономисты, использовались уже несколькими поколениями исследователей в психологии и социальных науках. Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, который вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной. У него нет ни прошлого, ни будущего. Он представлен изолированным субъектом...»⁸ Изначально такой индивид свободен от влияния этики, культуры, истории, своих связей с другими людьми. Этика, культура, история — всё это является экзогенными факторами, которые могут привноситься в модель (или не привноситься).

Экономические люди, в отличие от социальных групп, *одинаковы*, они подчиняются одному и тому же алгоритму действий. Для того, чтобы сэкономить трансакционные издержки использования ценового механизма по Р. Коузу, они объединяются в фирмы. Последние выпускают разные виды продукции, оказывают разные услуги, в связи с чем на них могут влиять уже не только социальные, но и собственно экономические факторы, такие как структура рынков, асимметрия информации, сравнительные издержки. Тем не менее в целом фирмы также, как и индивиды, подчиняются одному и тому же алгоритму принятия решений. Другими словами, они являются однородными — изменение в объёме потребляемых ими ресурсов будет в некоторой пропорции увеличивать или уменьшать выпуск.

---

⁷ Волков В., Хархордин О. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

⁸ Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? — В кн. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса /редкол.: Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. – С.25.

Наличие однородности подразумевается ещё и в том, что поведение фирмы на рынке описывается через сведение её к особой форме экономического человека — «производителю» или «потребителю». Само по себе, конечно, это не означает невозможности включения в анализ внешних факторов, контекста. Как пишет Д. Родрик: «Полезной моделью делает её способность ухватить некий аспект реальности. Абсолютно необходимой... модель становится тогда, когда может ухватить *наиболее релевантный в данном контексте аспект реальности*. Различные контексты — разные рынки, социальные условия, страны, эпохи и так далее — требуют разных моделей. На этом месте экономисты обычно и спотыкаются. Они часто отказываются от самого ценного, что предлагает их профессия, — многообразия моделей, ради поиска одной-единственной универсальной модели»⁹. Но это естественно, учитывая, что все экономические отношения в конечном итоге сводятся к отношениям производителя и потребителя, контекст при этом не отрицается, но становится дополнительным, частным обстоятельством.

Так же в экономическом дискурсе решается проблема возникновения государства — производителя общественных благ. Социологи экономистам не указ — общество, по мнению подавляющего большинства отечественных авторов, как раз и формируется из индивидов при помощи институтов, общественного договора, солидарности и прочего. Разбогатевшее общество предъявляет «спрос на государство» и создаёт его, заключая тот или иной тип общественного договора. После этого отделившееся от общества государство становится отдельным, причём весьма враждебным и воинственным субъектом. Впрочем, постепенно государство достаточно цивилизуется, чтобы начать считаться с обществом, и возникает своеобразная вертикальная торговля, «обмен общественных благ на налоги»¹⁰. Заодно на свет появляется и теория общественного сектора, которая объясняет закономерности такой торговли, включая принятие парламентом законов и формирование правовых институтов. Эта теория является общей, причём для экономистов очевидно, что в обществе есть устойчивое большинство индивидов, которому необходимо государство, которое предъявляет спрос на общественные блага, и которое готово платить налоги. Естественно, что ссылок на Лумана, или на Вахштайна в работах известных российских экономистов институционального направления, как правило, не приводится. Однако и российский социолог В. Вахштайн отвечает им тем же.

В отличие от общества, экономика существует всегда, её наличие не является для экономистов проблемой. Напротив, по мнению некоторых социологов, в отдельных моделях общества экономика может отсутствовать. Например, как полагает С. Кордонский, «В России, с моей точки зрения, не было той экономики, которая описывается в стандартных учебниках. То, что внешние наблюдатели принимают за экономику, вероятнее всего, вообще не экономика, а ресурсная организация государственной жизни»¹¹. Естественно, что в рамках доминирующего экономического дискурса подобную концепцию невозможно обсуждать. Хотя с другой стороны, вариант особых институтов с неразделённой «властью – собственностью», обуславливающий неэффективную национальную экономическую модель и отсталость развивающихся стран, включая Россию, вполне респектабелен, и разделяется многими исследователями, как экономистами, так и социологами.

Если экономику представить в виде «чистой идеи», то её становится удобно описывать формализованным, математическим языком. При этом проблемой становится не формирование экономики из отношений «экономических людей», но поиск алгоритма распределения ограниченных ресурсов с целью повышения эффективности, а также

---

⁹ Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — С. 24-25.

¹⁰ См., например, Аузан А. А. Переучреждение государства: общественный договор. — М.: Европа, 2006.

¹¹ Кордонский С.Г. Ресурсное государство. — М., REGNUM, 2007. — С. 9.

увеличение дохода и богатства. В свою очередь, задачу такого распределения можно представить в виде линейных уравнений и целевой функции математического программирования, а задачу роста — в виде дифференциального (приростного) уравнения с одной или несколькими переменными и дополнительными коэффициентами (управляющими параметрами). Свойства такого рода, а также учёт дополнительных параметров (контекста) моделей в основном и являются предметом дискуссий, которые ведутся в рамках экономического дискурса.

Тем не менее, кроме такой «чистой идеи», экономисты рассматривают реально существующие экономические системы в том или ином контексте. Критике и отдельной коррекции могут подвергаться и рациональность экономического человека (поведенческая экономика), и отсутствие влияния предыдущей истории (клиометрика, эффекты колеи), и даже сама однородность экономических агентов (теория неэквивалентного обмена Пребиша – Зингера в мировой экономике). Всё это делает разговор о «странной науке экономике» достаточно гибким и многоплановым¹². Тем не менее основные характеристики экономического дискурса, несмотря на различные дополнения, остаются неизменными.

3. «Ну и что?»¹³

Можно констатировать, что основные концепты дискурсов, которые доминируют в социологии и экономике, сильно различаются. Для социологов «индивид» — он или она, в определённом возрасте, принадлежащий к определённой культуре (национальности) и т.д. Для экономистов «индивид» — экономический человек, обладающий системой предпочтений (последняя может меняться в зависимости от пола, возраста, дохода, а заодно и разных других факторов, в том числе культурных, задаваемых *экзогенно*). Если немного сузить дискурсы, то для социологов индивид — место в социальной структуре (структурно-функциональный подход), а для экономистов — свободный агент, вступающий в сделки с другими агентами и осуществляющий транзакции с целью увеличения дохода, полезности (методологический индивидуализм). Для социологов концепт группы — аналог «множества» с теми или иными свойствами, важными для исследователя. Для экономистов фирма — иерархическая организация, позволяющая экономить издержки, а заодно и производственная функция, описывающая взаимосвязь между издержками ресурсов и доходом. Наконец, для социологов общество — социальный организм, включающий индивидов, социальные группы, функциональные связи между ними и ещё нечто неизвестное, требующее исследования; причём это неизвестное может привести как к развитию, так и распаду общества. Для экономистов государство — большая фирма, учреждённая индивидами (гражданами) в результате общественного договора. Целью этой фирмы является производство общественных благ в обмен на уплачиваемые индивидами взносы (налоги). В принципе, индивиды могут построить экономику и без государства, предоставив производство общественных благ рыночному (квазирыночному) механизму, но при нынешних механизмах сбора, передачи и обработки информации в такой экономике будет наблюдаться существенный дефицит общественных благ, что приведёт к их резкому удорожанию (государство позволяет

---

¹² Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения, 2015.

¹³ «Моя привычка заканчивать разговор этим вопросом коренится в ощущениях, которые остаются после большинства лекций и семинаров: "Всё это прекрасно, то, что вы говорите, но что это меняет? Для чего всё это нужно?"... Насколько я понимаю этот вопрос, он касается практических последствий того или иного аргумента или интересов, которым он служит. Люди хотят знать, как этот аргумент влияет на то, чем они занимаются». — Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. – М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения, 2015. — С. 73-74.

«экономить на масштабе»), а часть «чистых» общественных благ вообще не будет производиться (в частности, такие блага, как национальная оборона и законы).

Всё это любопытно, однако в целом лишь демонстрирует различия между подходами двух гуманитарных дисциплин. Что даёт фиксация этих различий? На наш взгляд, для экономистов актуально различие, зафиксированное Б. Латуром в отношении «социологии социологического» и «социологии ассоциаций». Собственно, все феномены, связанные с обменом, торговлей, налогами, кредитом состоят из множества различных компонентов, увязываемых между собой при помощи «экономического клея». Экономисты исходят из допущения о том, что внутри каждого индивида присутствует «чистая экономика», делающая его экономическим человеком. Выбор, который встаёт перед исследователем — заниматься «экономикой экономического», или пытаться понять экономику стран, регионов, городов, отраслей. В последнем случае экономисту придётся заниматься, используя терминологию Латура, «пересборкой экономического». Собственно, это и отражается непосредственно в номенклатуре экономических дисциплин, где «экономика экономического» — экономическая теория — отделяется от различных «прикладных экономических наук».

Пересборка экономического предполагает отказ от важнейшей характеристики нынешнего экономического дискурса — однородности экономических акторов. Это позволит заметить, например, что на рынке действуют фирмы — «фирмы», которые стремятся увеличить свою капитализацию, нарастить денежный поток, привнести в организацию своей деятельности лучшие практики других фирм, внедрить технологические инновации. А кроме того, на том же рынке действуют фирмы — «банды», занятые фальсификацией качества продукции, обманом налоговых органов, обдиранием активов, жёсткой эксплуатацией труда нелегальных мигрантов. Такая пересборка позволит намного лучше понять формирование национальных моделей экономики и увидеть те слабые элементы, разрушение которых может привести к экономическому распаду. Пока же для многих экономических исследований, выполненных в рамках доминирующего дискурса, остаётся актуальной цитата, помещаемая на обложку многих литературных произведений: «Все персонажи — вымышлены. Совпадения с реальностью — случайны».

ЛИТЕРАТУРА

Аузан А.А. Переучреждение государства: общественный договор. — М.: Европа, 2006.

Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2011.

Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? — В кн. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса /редкол.: Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. — С.25.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения, 2015.

Кордонский С.Г. Ресурсное государство. — М., REGNUM, 2007.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004.

Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.